

А.Г. ЗЛОТНИКОВ,
КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (ГОМЕЛЬ)

У ИСТОКОВ БЕЛОРУССКОЙ ДЕМОГРАФИИ

Дается анализ состояния демографических процессов Беларуси в дореволюционный период. Рассматривается история становления и начального этапа развития демографии. Показывается взаимосвязь развития социологии и демографии. Приводится характеристика дореволюционными белорусскими исследователями основных демографических процессов современной им Беларуси. Оценивается вклад в демографическую науку первопроходцев на белорусской демографической ниве.

The state of demographic processes in the pre-revolutionary Belarus is given analysis to. The history of formation and development of demography at its initial stages is considered. The interrelation between sociology and demography is shown. The description of the basic demographic processes in pre-revolutionary Belarus made by the native scholars of that time is suggested. The contribution to demography made by the first Belarusian demographers is given evaluation to.

Последние полстолетия на советском и постсоветском пространстве проходили под влиянием развития социологии и демографии. И в мировой научной мысли они возникли почти одновременно, что позволило О. Конту заявить: «Демография – это и есть социология». Об их взаимосвязи свидетельствуют как трагические периоды в их истории, так периоды их подъема.

В Советском Союзе в 1930-е годы среди социальных наук именно социология и демография стали нежелательными и подверглись гонениям. Так, социология была объявлена «лженаукой, выдуманной французским реакционером Огюстом Контом», а само слово «социология» было практически запрещено. Руководители переписи населения 1936 г. вплоть до областного уровня вообще были подвергнуты репрессиям, многие демографы были расстреляны.

С конца 1930-х гг. демографические исследования, как и вся демографическая статистика, попали в разряд запретных. Даже данные по общей численности населения стали или секретными, или в лучшем случае «для служебного пользования» вплоть до середины 1950-х гг. Естественно, все эти запреты касались и Беларуси. А когда был поднят вопрос об издании журнала «Вопросы статистики», Сталин при назначении ответственного редактора (члена-корреспондента АН СССР В.Н. Старовского) порекомендовал, «чтобы в этом журнале не было... никакой статистики». А если говорить о демографических показателях, то длительное время для публикации многих из них, к примеру данных о миграционном движении населения, требовалось разрешение Главлита (управления по охране тайн в печати).

Наука всегда серьезна, всегда строга, всегда правдива, всегда истинна, заблуждения и ложь исходят от людей, в том числе и людей науки, но больше всего от людей около науки. Тернисты и непросты пути науки. Об этом свидетельствует и исторический путь белорусской демографии, которая одновременно (по Конту) была и социологией.

В развитии белорусской демографической науки и демографической политики выделяются четыре основных исторических этапа: дореволюционный, довоенный, советский и суверенный. Они связаны как с историческими различиями эпох, так и с теми проблемами, которые стояли в центре внимания демографической науки на определенном историческом этапе, а также вкладом исследователей в развитие демографического знания. Дореволюционный этап – это истоки белорусской демографии. Довоенный – времена, которые не выбирают, как гроза перед бурей. Послевоенный – период расцвета и зрелости. И современный суверенный – период новых исканий, осмысления своего места в историческом процессе.

Данная публикация – первая из цикла статей, посвященных истории становления и развития белорусской демографии. В дореволюционный период собственно демографических исследований в Беларуси не было. Тем более что после отмены крепостного права и до Первой мировой войны (1861–1914) рост численности населения белорусских губерний был наиболее высоким среди европейских губерний России.

Исследованиям демографических проблем в историографии белорусской науки уделено меньше внимания, чем в Европе или в России и Украине. Вот что об истоках белорусской демографии говорилось в первой советской демографической энциклопедии (1985): «До Октябрьской революции 1917 г. опубликованы отдельные работы П.П. Семенова-Тян-Шанского, А.К. Киркора, Е.Ф. Карского, М.В. Довнар-Запольского и ряда других исследователей, посвященные изучению населения Белоруссии. После Октябрьской революции анализировались итоги переписей населения 1923 и 1926 гг. Б.Я. Смулевич провел анализ заболеваемости и смертности населения городов и местечек Белоруссии в 1920-х гг. Статистик Д.Н. Пославский изучал особенности воспроизводства населения республики. В 1930-х гг. исследования по проблемам семейно-брачных отношений проводил С.Я. Вольфсон»¹.

Это наиболее существенное, что могла сообщить белорусская наука два с половиной десятилетия назад в отношении анализа демографического развития страны в дореволюционный и довоенный периоды. Если сравнить с тем, что энциклопедия сообщала о демографических исследованиях в России и Украине, где существуют аналогичные демографические проблемы, что и в Беларуси, то очевидным становится незначительное внимание белорусской науки к этим вопросам в дореволюционный и довоенный периоды. Так, в ней названы 7 имен белорусских исследователей, история украинской демографии включает более 30 имен, не считая российских, а также польских, австро-венгерских, румынских и чешских ученых и специалистов, поскольку в давние исторические периоды ряд территорий Украины входил в состав других государств.

На наш взгляд, имена демографов Беларуси того времени мало известны не только потому, что их было меньше, но и потому, что историческими аспектами развития белорусской демографии, их исследованием, в отличие от украинской науки, никто целенаправленно не занимался, – это делалось попутно. А если вспомнить, что в Украине был образован первый институт демографии, то очевидно было отставание Беларуси, во-первых, в развитии национальной демографической науки и анализе демографических проблем и, во-вторых, в исторической демографической памяти.

Впрочем, это характерно для демографической науки в целом. С того времени, как Дж. Граунтом было опубликовано исследование по смертности (1662), проблемы народонаселения в различной интерпретации становились составной частью философских, экономических, социологических, геополитических, политологических, исторических, географических, медицинских и многих других наук. Такая же тенденция была характерна и для демографической науки в Беларуси. Конечно, самые значимые научные исследования демографических проблем нашей страны пришлось на вторую половину XX в., но сказать, что анализ демографических процессов связан только с этим периодом, будет не совсем правомерно.

Проблемам народонаселения дореволюционной Беларуси посвящали свои работы многие исследователи – главным образом русские и белорусские статистики, географы, историки, этнографы, литераторы, военные и врачи.

В частности, начиная с 1867 г. в Санкт-Петербурге стали ежегодно издаваться сборники «Статистический ежегодник России» и «Движение населения в европейской России», в которых публиковались демографические показатели в разрезе губерний России и даже уездов и многочисленные данные о демографическом развитии различных городов. Как отмечает Л.П. Шахотко, уже были отдельные публикации в отношении некоторых городов Беларуси²: А.И. Голынца «К изучению в медико-топографическом и статистическом отношении губернского города Могилева» (СПб., 1887) и А.А. Бекаревича «К изучению в медико-топографическом и статистическом отношении губернского города Минска» (СПб., 1890). М.В. Довнар-Запольский еще указывал на научную деятельность «статистиков Семеновского и Смородского»³.

Правда, значительных теоретических работ в истории белорусской демографической науки дореволюционного периода практически не было. В основном это были работы описательного статистического, географического, медико-гигиенического, этнографического, исторического, правового характера, имеющие ту или иную связь с демографическими процессами. Но тем не менее и в них можно найти значительные демографические открытия.

Как отмечал в 1892 г. А.Н. Пыпин, в 1830–1840-х гг. в целом в России и особенно в белорусских губерниях начали проводиться официальные статистические исследования. Но данные, говоря современным языком, о национальном составе «частью были отрывочны, частью оставались в неизданном виде, вроде канцелярской тайны, пока ими не воспользовались офицеры генерального штаба в своих описаниях». Первой в 1861 г. была издана «статистическая» работа М. Лебединца «О племенном составе народонаселения западного края Российской империи», где, как далее отмечает А. Пыпин, «Лебединец, состоявший при Центральном статистическом комитете, пользовался официальными данными, но удивительным образом, смешав современную статистику с летописными известиями о древних жителях края, исчисляет здесь не только те племена, какие находятся в наличии в западном крае, но и те, которые в настоящее время совсем не имеются, а которые были здесь ранее в X–XII вв. Напр., он не только дает цифру великороссиян, малороссиян, поляков, литовцев, но ему известно с достоверностью, что в западном крае находятся поляне (108.453), древляне (196.900), кривичи (23.016), волыняне (93.744), тиверцы и угличичи (8.398), хорваты (17.228), в том числе инородцев указаны ятвяги с цифрой 30.927. Таким образом, когда историки полагали, что те или другие древние племена бесследно исчезли в позднейшем племенном объединении, как, напр., какие-нибудь древляне или тиверцы и угличичи, или погибли в исторической борьбе, как ятвяги, Лебединец в каких-то неисповедимых источниках находил их даже в настоящую минуту и указывает их численность не только в тысячах, но даже в десятках и единицах, и притом не только вообще, но даже в частных цифрах по уездам!»⁴.

Проблемы численности населения тогдашних белорусских земель (Северо-Западного края) и расселения белорусов в других губерниях стали надолго важнейшими демографическими проблемами. А. Пыпин приводит другие работы в качестве более достоверных источников. Одна издана полковником Р.Ф. Эркертом сначала в 1863 г. в Париже на французском языке, а потом в 1864 г. на русском языке («Взгляд на историю и этнографию западных губерний России») с атласом. Почти одновременно вышел и «Атлас народонаселения западнорусского края, по вероисповеданиям» А. Риттиха. С демографических позиций в них для нас важны сведения об общей численности населения, его конфессиональном и социальном составе. Оценка ими общей численности населения близка (у Эркерта – 4294 тыс. чел.; у Риттиха – 4485 тыс. чел.)⁵, особенно если учесть, что их работы вышли с разницей в один год. Этническая характеристика населения белорусских губерний у них следующая: русских (читай – белорусского населения), по данным Эркерта, 2531 тыс. чел., Риттиха – 2854 тыс. чел. Более значительны (в удельном весе) расхождения их данных в отношении других этносов: поляков: у Эркерта – 791 тыс. чел., а у Риттиха – 383 тыс. чел.; литовцев и латышей у Эркерта – 529 тыс. чел., а у Риттиха – 713 тыс. чел. Если для современников, причем пользовавшихся «официальными статистическими» данными, были такие разночтения, то для нас ныне эта проблема стала еще более сложной.

Вышедший в конце XIX в. третий том поистине энциклопедического труда «Живописная Россия» (1882 г.) был посвящен Беларуси – Литовскому Полесью (ч. 1) и Белорусскому Полесью (ч. 2). В нем существенное место уделено и демографическим аспектам «Литовских и Белорусских областей» (в терминологии П.П. Семенова-Тянь-Шанского). А.К. Киркором, автором этих двух частей, в значительной степени опирающимся на издание А. Риттиха, приведена характеристика численности населения губерний, их этнического (в том числе и племенного), конфессионального и социально-классового состава, особенностей развития городской и сельской местности в связи с этническим составом. Отмечается также быстрый рост населения белорусских губерний в послереформенный период.

В частности, существенным различием Литовского Полесья (Виленской, Ковенской и Гродненской губерний) и Белорусского Полесья (Минской, Могилевской и Витебской губерний) является этнический состав и плотность населения. «Существенное отличие Белорусской области от Литовской заключается в составе их населения, между которыми русская народность, а именно белорусское племя, решительно преобладает по своей численности, да и польский или ополячившийся элемент в высшем землевладельческом сословии является преобладающим лишь в некоторых частях области, а именно: в Минской и части Витебской губернии. Наконец и сама плотность населения Белорусской области совершенно иная, чем в Литовской, так как в последней на кв. версту приходится 30 жителей, а в белорусской области – только несколько более 20»⁶. В этой связи интерес представляет глава «Белорус-

ская Смоленщина с соседями», в которой ее автор С.В. Маскимов приводит также интересные демографические данные, где за политическими границами белорусских губерний (по сведениям 1860 г.) белорусов в Смоленской губернии насчитывалось 1122 тыс. (68 %), а великороссов – 520 тыс. (32 %) ⁷.

В указанной энциклопедии отмечаются работы Е.Ф. Карского, посвященные изучению населения Беларуси. Это прежде всего его многотомное издание «Белорусы» (Вильно, 1904 г.), за создание для которого «Этнографической карты белорусского племени» Карский был избран академиком Петербургской академии наук (1916), награжден Большой золотой медалью Русского географического общества и отмечен Ломоносовской премией Академии наук России. Этот фундаментальный труд заслуживает внимания не только в этнографическом и филологическом, но и в демографическом плане.

В этом издании нашли отражение несколько аспектов демографического развития в том виде, в каком сегодня наука рассматривает демографические проблемы. Во-первых, это проблема миграции населения (беженцев) из Московской Руси на белорусские земли – в Могилевскую (в г. Ветка), Витебскую, Сувалкскую, Виленскую и Ковенскую губернии (прежде всего во времена Ивана Грозного, Бориса Годунова, эпоху самозванцев и даже позже во времена Екатерины II) ⁸. Отметим, что в середине XVIII в. в письме к графу И.И. Шувалову от 1 ноября 1761 г. «О размножении и сохранении российского народа» М.В. Ломоносов значительное внимание уделил проблеме (в современной терминологии) миграции из Российской империи в белорусские земли, в связи с чем он предлагал определенные меры. Анализируя последствия побега крестьян за рубеж, Ломоносов называет их «живыми покойниками»: «С пограничных мест уходят люди в чужие государства, а особенно в Польшу, и тем лишается подданных российская корона. Побегу бывают более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов. Для расколу много уходит российских людей на Ветку» ⁹.

Во-вторых, это данные Карского о численности населения белорусских губерний по результатам всероссийской переписи населения 28 января 1897 г. (10 127 925 душ) и на 1 января 1903 г. (11 065 606 душ). В-третьих, это характеристика этнической структуры губерний Северо-Западного края ¹⁰. И наконец, в-четвертых, это определение общей численности белорусов не только в губерниях Северо-Западного края, но и в пограничных с ними. По данным Карского, к 1903 г. численность белорусов в 14 губерниях составила 8 317 961 чел., в том числе: в Минской губернии – 1 755 069 чел., Могилевской – 1 650 069, Виленской – 1 076 435, Витебской – 976 638, Смоленской – 947 826, Гродненской – 861 640, Черниговской – 700 000, Тверской – 125 000, Ковенской – 60 000, Псковской – 42 400, Калужской – 41 029, Орловской – 38 484, Сувалкской – 22 390 и Курляндской – 20 981 чел. ¹¹ Этнографическая карта, по утверждениям современных исследователей творчества Карского, в целом повторяла границы атласа А. Риттиха, созданного на полвека ранее ¹².

Из дореволюционного периода исследования демографических проблем в Беларуси работы М.В. Довнар-Запольского являются наиболее значимыми в разнообразных планах (и прежде всего в социологическом), хотя они касаются демографических проблем только попутно (сначала в этнографическом, а затем и историческом аспектах). Определенную ценность представляет первая теоретическая работа М.В. Довнар-Запольского «Первобытные формы брака», написанная в 1892 г. в традициях ныне классической и наиболее популярной в конце XIX в. теории эволюционизма на работах Э. Вестермарка, Г. Жиро-Телона, Н.И. Зибера, М.М. Ковалевского, Дж. Леббока, Ш. Летурно, А. Поста, Г. Спенсера и др. ¹³ Рассматривая с первобытного периода процесс поэтапного изменения форм отношений полов – промискуитет, гетеризм (бытовой и религиозный), брак по группам, полиандрию, левират и снохачество, экзогамию и куплю-продажу женщин, Довнар-Запольский проиллюстрировал эту эволюцию примерами обычаев славянских народов в 80–90-е гг. XIX в. и прежде всего белорусов на материалах свадебных обрядов в Игуменском, Бобруйском, Речицком, Мозырском и Пинском уездах Минской и Могилевской губерний. В этой работе Довнар-Запольский первым из ученых Российской империи ввел в анализ эволюции форм брачных отношений материалы из белорусской реальности, что делает ее демографически значимой.

Для демографов интерес представляют и небольшие «Статистические очерки Северо-Западного края» Довнар-Запольского (1888 г.) ¹⁴. Они представляют двойной интерес. Во-первых, в них имеются материалы демографического характера, а во-вторых, они опубликованы в его социологической работе «Исследования и статьи: Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность».

Но наибольший интерес, прежде всего в демографическом и социологическом планах, представляет его работа «Распределение населения Верхнего Поднепровья и Белоруссии по территории, его этнографический состав, быт и культура» (в соавторстве с Д.З. Шендриком), опубликованная в 9-м томе «Настольной и дорожной книги для русских людей» – «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества». Она стала своеобразной энциклопедией по Беларуси в начале XX в. В этом томе «Верхнее Поднепровье и Белоруссия» уже кроме этнографических зарисовок имеются и обширные статистические данные по Витебской, Минской, Могилевской и Смоленской губерниям из материалов прошедшей первой всеобщей российской переписи населения 1897 г. Диапазон этих данных стал значительно шире: динамика изменения численности населения белорусских губерний за вторую половину XIX в., сравнительная характеристика плотности (густоты) населения, его распределения в разрезе городской и сельской (уездов) местности, группировка городских (губернских, уездных и заштатных) поселений, половая структура, сословная, конфессиональная и этническая характеристика губерний, показатели брачности, рождаемости и смертности, а также (и это весьма интересно и неожиданно!) социологический анализ интеллектуальной миграции этнических белорусов¹⁵. Причины миграции на рубеже XIX–XX вв. Довнар-Запольский объяснял преобладанием в этнической структуре городского населения восточных губерний Беларуси евреев, а в западных – поляков и немцев. Именно этим, по его мнению, был вызван отток высокообразованных этнических белорусов, которым преобладающие в экономической сфере этносы в этих регионах ограничивали возможность реализовать свой творческий потенциал. Неудивительно, что вплоть до 1917 г. в городах белорусских губерний этнических белорусов проживало меньше, чем в Петрограде, Москве и Одессе¹⁶.

Существенной характеристикой демографического развития последних 50 лет перед Первой мировой войной был значительный рост численности населения белорусских губерний. Хотя нужно отметить, что в оценке численности населения белорусских земель на рубеже XIX–XX вв. существуют расхождения. Но, несмотря на это, фактом демографического развития Беларуси является то обстоятельство, что наивысшие в своей дореволюционной истории темпы роста населения приходятся на послереформенный период. Так, Довнар-Запольский со ссылкой на данные известного русского статистика академика К. Германа, возглавлявшего статистическое отделение Министерства полиции (опубликовавшего в 1819 г. «Статистические исследования относительно Российской Империи») и «человека очень осторожного», приводит следующую динамику роста численности населения бывшего Северо-Западного края: конец XVI в. – не менее 1 млн чел.; конец XVII в. – не более 1,6 млн чел., конец XVIII в. – около 3,8–3,9 млн чел.¹⁷

В противовес крепостной эпохе «в последующем пятидесятилетии население возрастает с 5,6 млн душ обоего пола в 1863 г. до 14 млн в 1914 г., т. е. увеличивается в 2,5 раза... Рост плотности населения (с 20 чел. на 1 кв. версту в 1863 г. до 49 чел. в 1914 г.) уже дает перенаселенность при данных условиях хозяйства»¹⁸.

Отметим, что приведенная Довнар-Запольским численность населения в 5,6 млн чел. на порядок расходится с данными Эркerta (4294 тыс. чел.) и Риттиха (4485 тыс. чел.), относящимися к этому периоду. Также на порядок расходятся и сведения разных исследователей того периода и современные статистические данные в отношении численности населения Беларуси согласно первой всероссийской переписи населения. Современники переписи населения 1897 г. приводят следующую численность населения современных им белорусских земель: Карский – 10 127 925 чел. в 1897 г. и 11 065 606 чел. на 1 января 1903 г.; Довнар-Запольский – до 14 млн чел. в 1914 г.

Белорусские исследователи и статистика нашего времени дают следующую оценку населения Беларуси в современных границах: по переписи 1897 г. – 6673,0 тыс. чел. и на начало 1913 г. – 6899,1 тыс. чел.¹⁹ В своем политизированном исследовании польский географ П. Эберхардт называет еще меньшую численность населения 1897 г. в современных ее границах – 6493,6 тыс. чел.²⁰

Для нас это различие пока не столь важное, ибо мы анализируем демографические тенденции того периода в отражении современных исследователей, независимо от того, в каких государствах оказались ныне тогдашние белорусские земли. Характеристика демографического развития Беларуси учеными и статистиками того периода (в современных им ее границах) позволяет выявить главное – тенденции демографического развития. Характеристика Карским и Довнар-Запольским изменения численности населения территорий Беларуси за период XVI – начала XX в.,

рост которого составил по минимальным данным – 12, а по максимальным – 14 раз, имеет важное значение для понимания тенденций демографического развития Беларуси в свете современных демографических концепций. Если сравнить с темпами роста численности мирового населения за этот период с 500 млн до 2 млрд чел., т. е. в 4 раза, то темпы роста численности белорусского населения на этом фоне значительно выше.

И еще надо выяснить, есть ли в истории развития человечества этого периода такие аналоги. За исключением, разумеется, стран американского и австралийского континентов, рост численности населения которых, кроме высокого естественного прироста, проходил и за счет значительного миграционного притока и был, естественно, выше. Это значит, что тот «демографический взрыв», который концепция демографического перехода относит на 1920–1950-е гг., Беларусь прошла раньше. (Это одновременно ставит вопросы к теории демографического перехода как единственной научной теории, объясняющей особенности современных демографических процессов, связывающей повторение демографических фаз и этапов, которые, дескать, были положены западными странами – концепция «вестернизации».) И особенно высоки были темпы роста численности населения на белорусских землях в послереформенный период. Этот высокий рост численности населения связан с бурным развитием капиталистических отношений в России и того, что А. Смит вкладывал в концепцию «человека экономического». Именно в связи с бурным развитием капиталистических отношений демографическое развитие других стран (Англии, Германии, Франции, а также, естественно, США, Канады, Австралии и др.) сопровождалось высокими темпами прироста населения, но в Беларуси они были на порядок более высокими.

Но есть существенные различия в отношении оценок этого роста на Западе, с одной стороны, и в России и Беларуси – с другой. Западная Европа была озабочена (Дж. Ортез, Т. Мальтус, Д. Рикардо и С. Симонди) «чрезмерным» ростом численности населения. Эта обеспокоенность демографическими проблемами периода XVIII – начала XX в. прежде всего отражала социально-экономические проблемы этого периода, вызванные, во-первых, развитием капиталистических отношений, во-вторых, обострением взаимоотношений метрополий и колоний и, в-третьих, конкуренцией за ресурсы.

В России вследствие ее геополитических особенностей в решении противоречивого характера общецивилизационных и национальных аспектов демографического развития они решались в пользу национальных интересов. В Беларуси эта перенаселенность ставила на повестку дня осуществление перехода от аграрной экономики к индустриальной. Именно эта идея развивалась Довнар-Запольским, выделявшим фактор аграрной перенаселенности: «Это уже угрожающая перенаселенность, которая говорит об избытке населения в деревне, о том, что земледелие не потребляет всего труда населения». И констатирует: «Выход из этого затруднительного положения заключается в расширении площади пользования, в интенсификации хозяйства и в переселении – если городская промышленность не может потребить нарастающего в деревне труда. Потребность в переселении сделалась весьма актуальной. Переселение началось в конце 80-х и 90-х годах, и белорусское население просачивалось в Сибирь сперва весьма небольшими группами. Но уже в половине 900-х годов белорусский переселенец занял едва не самое видное место среди переселяющихся в Сибирь: только 4 губернии (Могилевская, Минская, Витебская и Смоленская) за 20-летие 1896–1915 гг. дали 7-ю часть переселенческого движения за этот период всей России, и белорусское переселенческое движение превзошло переселенческое движение из центрально-промышленных губерний. Это, конечно, большой урон для хозяйства Белоруссии, тем более, что, как общее правило, переселенческий поток пополнялся здоровым середняком. Рост переселенческого движения Белоруссии понятен, если мы скажем, что города наши росли чрезвычайно слабо. Процент городского населения с 12,1 в 1863 г. упал несколько к концу столетия до 11,5 в 1897 г. и поднялся только до 14,3 % в 1914 г., когда начало чувствоваться уже дуновение индустриализации»²¹.

К анализу Довнар-Запольским внутрироссийских миграционных процессов на Беларуси добавим характеристику международной миграции в начале XX в. Важным демографическим источником международных миграционных процессов Беларуси дореволюционного периода является работа известного политического деятеля, руководившего в конце 1920-х гг. ЦСУ СССР, Н. Осинского (псевдоним В.В. Оболенский) «Международные и межнациональные миграции в довоенной России и

СССР». Если Довнар-Запольский отмечает значительные масштабы белорусской миграции в деле заселения Востока и Сибири, то Осинский сообщает о высокой миграционной подвижности населения губерний Северо-Западного края в период 1905–1913 гг. на американский континент: «К 1906–7 гг. эмиграционная “зараза” от соседей – поляков, литовцев, евреев – дошла, наконец, и до отсталого западно-русского крестьянина: из Виленской губернии она проникла в Минскую, где пропаганда эмиграционных агентов действовала главным образом на молодежь и на безземельных батраков, которые здесь живут в довольно плохих условиях. Зимой 1914 г. в Минске были предприняты аресты эмиграционных агентов, нелегально переведивших через границу. Но в 1914 г. уход на заработки в Америку отмечается уже и в Могилевской губернии». В отношении социальной характеристики мигрантов Осинский сообщает: «Хотя о социальном составе русской эмиграции 1907–1913 гг. мы не располагаем точными данными, но можно предположить, что безземельные с.-х. рабочие – преимущественно из западных губерний – были самой многочисленной группой среди русских эмигрантов. За ними следовала обширная группа крестьян полупролетарского, с ничтожным наделом, или мелких арендаторов. Значительно меньше было крестьян, способных самостоятельно вести хозяйство. И среди эмигрантов было и небольшое количество промышленных рабочих, особенно в годы промышленной депрессии – 1908–09 гг.»²².

В результате, как сообщают историки, в связи с перенаселенностью сел, а также городов и местечек Беларуси шел активный миграционный процесс: «За 1903–1913 гг. отсюда эмигрировало преимущественно в США, Аргентину, Бразилию и Канаду свыше 1,5 млн. чел. Но позже 600 тыс. из них, заработав средства на обустройство хозяйства, возвратились на родину. Необходимо отметить, что в 1912 г. только в Германии работали 100 тыс. выходцев из белорусских губерний»²³.

Подытоживая результативность миграционных процессов начала XX века, воспользуемся выводом лауреата Нобелевской премии 1971 г. уроженца Беларуси С. Кузнецца, который считал, что «если эмиграция была важна для посылающих стран как средство, ослабляющее давление населения в течение периодов перехода от допромышленных к современным нормам роста, то иммиграция была еще важнее для принимающих стран и наложила заметный отпечаток на их экономический рост»²⁴. Это означает, что демографический потенциал Беларуси явился источником экономического развития многих стран.

Таким образом, хотя собственно демографические исследования в дореволюционный период в Беларуси еще не было и тем более, что вообще система демографических знаний в конце XIX – начале XX в. еще была в процессе становления, белорусские исследователи под влиянием исторических проблем уже начали очерчивать круг сугубо демографических проблем. Исследования касались отдельных вопросов естественного движения населения. Проходило накопление эмпирического материала, осуществлялись попытки разработки оригинальных положений. Особенности дореволюционного демографического развития Беларуси было то, что в послереформенные годы (1861–1914) рост численности населения белорусских губерний был наиболее высоким среди европейских губерний России, а также многих других государств Европы. Важнейшей демографической проблемой надолго стала численность населения белорусских земель (Северо-Западного края), характеристика численности населения губерний, их этнического, конфессионального и социально-классового состава, особенностей развития городской и сельской местности в связи с их этническим составом, а также расселения белорусского этноса.

Сегодня часто от науки требуют сиюминутных результатов, внедрения, экономического эффекта. Исторический путь развития белорусских демографических исследований показывает, что иногда этот эффект сказывается через десятилетия. Так, когда в 1939 г. после воссоединения западных и восточных частей Беларуси встала проблема определения границ присоединенных западных земель Беларуси и Украины, дореволюционные исследования (в частности, «Этнографическая карта белорусского племени» Карского, определившего территорию распространения белорусского языка и этноса²⁵) послужили весомым аргументом белорусской стороны в решении спора между Н.С. Хрущевым и П.К. Пономаренко об установлении этих границ. Этнографические исследования дореволюционного периода сыграли решающую роль и в сохранении status quo границ после Великой Отечественной войны, когда была предпринята попытка несколько «урезать» северные территории Беларуси (в Витебской области) в пользу Псковской области. Это свидетельствует о высоких результатах демографических исследований дореволюционной белорус-

ской науки, которые в целом соответствовали на то время мировым научным социологическим и демографическим концепциям.

К несомненным заслугам первопроходцев на белорусской демографической ниве следует отнести:

- анализ связи демографического и экономического развития белорусского крестьянства (а дореволюционная и послереволюционная Беларусь была крестьянской) с концепцией семейно-трудовой теории;
- связь динамики роста численности населения с бурным развитием экономических (капиталистических) отношений;
- выявление несоответствия между экономическим ростом страны, темпами увеличения численности ее населения и масштабами миграционного движения и прежде всего эмиграционных потоков;
- поворот в анализе демографических процессов к обоснованию необходимости развития индустрии и сопутствующему этому развитию – урбанизации.

¹ Демографический энциклопедический словарь / Редкол.: Д.И. Валентей (гл. ред.) и др. М., 1985. С. 35.

² См.: Шахотько Л. П. Рождаемость в Белоруссии (социально-экономические вопросы). Мн., 1975. С. 8.

³ Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. 2-е изд. Мн., 2005. С. 422.

⁴ Пыпин А. Н. История русской этнографии: в 4 т. Т. 4. Белоруссия и Сибирь. Мн., 2005. С. 152–153.

⁵ Там же. С. 158.

⁶ Живописная Россия: Отечество наше в его зем., ист., плем. и быт. значении: Литов. и Белорус. Полесье: Репринт. воспроизведение изд. 1882 г. Мн., 1993. С. 474.

⁷ Там же.

⁸ См.: Карский Е. Ф. Белорусы: в 3 т. Мн., 2006. Т. 1.

⁹ Ломоносов М. В. О размножении и сохранении российского народа // Избр. филос. произведения. М., 1950. С. 613.

¹⁰ См.: Карский Е. Ф. Белорусы. С. 164–170.

¹¹ Там же. С. 170.

¹² См.: Тумаш В. Выбр. працы. Мн., 2002.

¹³ Довнар-Запольский М. В. Первобытные формы брака // Исследования и статьи: Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность: в 2 т. Киев, 1909. Т. 1. С. 384–404.

¹⁴ См.: Довнар-Запольский М. В. Статистические очерки Северо-Западного края // Там же. С. 425–430.

¹⁵ См.: Довнар-Запольский М. В., Шендрик Д. З. Исторические судьбы Верхнего Поднепровья и Белоруссии и культурные их успехи; распределение населения Верхнего Поднепровья и Белоруссии по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова и под общим руководством П.П. Семенова и акад. В.И. Ламанского. Т. IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия / Сост. В.П. Семенов и др. СПб., 1905. С. 126–137.

¹⁶ См.: Эканамічная гісторыя Беларусі: Вучэб. дапам.: / В.І. Галубовіч і інш.; Пад рэд. праф. В.І. Галубовіча. Мн., 1999. С. 201.

¹⁷ См.: Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. С. 188.

¹⁸ Там же. С. 434–435.

¹⁹ См.: Население Республики Беларусь: Стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. Мн., 2009. С. 12; Шахотько Л. П. Модель демографического развития Республики Беларусь. Мн., 2009. С. 391.

²⁰ Эбэрхардт П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1897–1989. Мн. 1997. С. 22 и др.

²¹ Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. С. 435.

²² Оболенский В. В. (Н. Осинский). Международные и межнациональные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 62, 73.

²³ Эканамічная гісторыя Беларусі. С. 201.

²⁴ Кузнец С. Демографические аспекты современного экономического роста // Население и экономика / Под ред. А.Г. Волкова и А.Я. Кваши. М., 1970. С. 121–122.

²⁵ См.: Эбэрхардт П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі. С. 18.

Поступила в редакцию 12.01.11.